

**БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ МЫСЛИ**

МАРК АВРЕЛИЙ

НАЕДИНЕ
С СОБОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ОГИЗ

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32
М26

Марк Аврелий.

М26 Наедине с собой / Марк Аврелий ; [перевод с древнегреческого С. Роговина] — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 256 с. — *(Библиотека научной мысли)*.

ISBN 978-5-17-135826-6

Сложно поверить, что столь созвучными современности могут быть личные записи человека, жившего почти за 2000 лет до нас. Невозможно представить себе, что их автором был император Римской империи. Удивительно, что это изложение морали человека, противопоставлявшего себя христианам и подвергавшего их ранние общины гонениям.

Марк Аврелий Антонин (121–180), как принято считать, развил и переосмыслил философию стоика Эпиктета (ок. 50–138). Впрочем, в этом мнении утвердились его потомки, а сам философ, вернее всего, не ведал о том: в часы, свободные от государственных занятий, он делал личные записи, которые были опубликованы через много веков после его смерти.

Размышления, записанные на койне, неоднократно переводились на русский язык начиная с XIX века, что говорит о неослабевающем интересе к этому тексту.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32

«В жизни Марка Аврелия было столько хорошего, а в мыслях его — столько мудрого, что мы займемся ими и оставим в стороне его ошибки: они касаются его, а не нас. Мыслями же его мы можем воспользоваться: в них мы найдем много такого, что поможет нам самим жить лучше».

Лев Толстой

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Перед нами дневник императора Марка Аврелия, который никогда не предназначался автором для публики, о чем свидетельствует само заглавие записок. <...>

В этой книге император отдает себе самому отчет о всем течении своей внутренней жизни, отмечает в ней — для более ясного понимания самого себя — несомненные, по его мнению, основные истины, которые бы руководили им и все строже и теснее обязывали его не выходить из пределов раз установленной нормы жизни. Если представляется интересным и поучительным ознакомление с воззрениями каждого выдающегося человека на важные вопросы, каковы отношение человека к Богу, к ближнему, к самому себе и к жизни, то интерес этот и поучение еще возрастают, когда перед нами такое лицо, коего мирозерцание и убеждения решали судьбу мировой империи. Такой всемогущий император и властелин,

¹ Это предисловие к первому полному переводу дневников Марка Аврелия на русский язык (до того известен был лишь неполный перевод с немецкого «Академии наук секретаря» С. С. Волкова, выполненный в XVIII в.) написано переводчиком, князем Л. Д. Урусовым. Дневник был напечатан в Туле в 1882 г. под заголовком «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя» (а позднее — «Что важнее для души твоей? Избранные мысли римского мудреца Марка Аврелия») и пользовался большой популярностью среди думающих и ищущих современников. Перевод Урусова был недостаточно точным, но отличался вдохновенностью. — *Прим. изд.*

от личности которого зависело внести в общественный организм тревогу, ненависть, злобу и лицемерие или струю любви, стойкости и доверия, ибо в тогдашнем общественном строе не было и следа таких учреждений, которые бы могли ограничить или умерить верховную власть.

Если бы о царствовании Марка Аврелия не осталось даже никаких других следов, то одной записной книжки его было бы достаточно, чтобы пробудить живейший интерес к нравственному образу этого человека. Но избыточные сведения о нем, записанные в истории, усугубляют желание ознакомиться с внутренней жизнью его.

Императором Марком Аврелием заканчивается самый блестящий период римской истории, период Антонинов, и уже давно историки усвоили себе прием излагать эту эпоху, от Траяна до Марка Аврелия, в особом отделе под заглавием «Лучшие времена». Гиббон говорит: «Если бы кому-нибудь из историков поручено было указать на тот период всемирной истории, в продолжение которого человечество наслаждалось наибольшим благоденствием и спокойствием, то он без малейшего колебания мог бы указать на промежуток времени между смертью Домициана и возвышением Коммода.

Беспредельная Римская империя процветала в ту эпоху под самодержавием монархов, руководимых мудростью, добром и справедливостью. Законы гражданского управления свято соблюдались четырьмя следовавшими один за другим императорами: Нервой, Траяном, Адрианом и Антонином Кротким¹. Имея врожденную любовь к свободе в истинном ее смысле, они впервые добровольно признали свою ответственность перед законом».

Другой историк, Иоганн Мюллер, говорит: «Все эти императоры, казалось, вступили на престол в качестве лучших и мудрейших граждан. Неутомимая забот-

¹ Антонином Пием. — *Прим. изд.*

ливость, благотельная предусмотрительность — вот единственно то, что отличало их от прочих граждан, и исключительное преимущество, ими лично присвоенное, состояло только в том, что круг их благотворной деятельности был обширнее. Доступ к ним был свободнее, чем в республиках к патрициям. Закон об оскорблении величества впал в забвение. Одному из них, кроткому Антонину, случилось в бедственную годовщину голода проходить посреди народа, наполнявшего форум. Толпы в него стали кидать камнями. Тогда он остановился, спокойно объяснил причины бедствия и рассказал, какие им приняты меры. Никогда большинство человечества не наслаждалось более продолжительным благоденствием. Эта эпоха заставила забыть об утрате республики».

Вот этот-то добрый Антонин и усыновил Марка Аврелия и воспитал его как своего наследника. Сын последовал высокому примеру отца, его великодушию, доброте, кротости. Таковым является перед нами Марк Аврелий в возмущении правителя Сирии Авидия Кассия, который поднял знамя бунта во время похода императора на сарматов, но был убит своими солдатами. Марк Аврелий сожалел о том, что смерть Авидия лишила его «радости обратить врага в друга» и на деле доказал всю искренность своего великодушия, умерив рвение сената в преследовании сообщников Авидия. Вот извлечение из указа, посланного сенату из императорского лагеря на Дунае, еще до получения известия о смерти Кассия: «Ныне я прошу и заклинаю вас, сенаторов, чтобы вы по делу Кассия умерили свою обыкновенную строгость и исполнили за себя и за меня долг милосердия, не присуждая Кассия к смерти. Напротив, если хотите почтить меня за победу над сарматами, даруйте амнистию и другим преступникам, обрадуйте печальных, возвратите изгнанных из заточения, призовите в Рим сосланных, отдайте им все богатства и имена их. Я ничего на свете так не желал бы, как оживления многих мертвых, а не присуждения к смерти живых. Я ни в одном

из моих предшественников не хвалю жестокости и мщенин. Прошу помиловать жену Кассия, детей и зятя его. Да что я говорю — помиловать. Они, бедные, ничего не сделали. Оставьте их в покое. Пусть все знают, как живется под державою Марка Аврелия. Отдайте им взятые у них поместья и богатства. Пускай они будут богаты. Дайте им прожить остальную жизнь свою так, чтобы они могли быть живыми доказательствами нашего человеколюбия. Сделайте остальное время моего царствования благоденственным. Пусть они и все те, которых ожидает наказание за оскорбление величества против моей особы, будут помилованы и прощены».

Когда в сенате читался этот цезарский указ, все собрание с изумлением и радостью слушало его. По окончании чтения раздался единодушный возглас: «Да здравствует кроткий Марк Аврелий!»

Многие порицатели Марка Аврелия обвиняют его в скупости. Но щедрость его к народу, огромные суммы, истраченные им для вспомоществования населению, разоренному в разное время пожарами, землетрясениями и голодом, и наконец, значительное понижение казенных податей и сложение недоимок — все это вполне опровергает ложное обвинение. Марк Аврелий был действительно бережлив, но лишь для того, чтобы рассыпать деньги без счету, когда дело шло о помощи и благоденствии подданных. Этот великий цезарь говаривал: «Подданные платят весьма охотно обыкновенные налоги, когда видят, что монарх тратит их не на роскошь, а на всенародную пользу, они благословляют бережливость, когда цель ее — щедрая помощь во время бедствий».

Войну он ненавидел как позор и бич человеческого рода. Возвращаясь из победоносных походов своих, он скорбел душою, и следы этой скорби остались в записной книжке его.

Что же это за философское учение, пробудившее столько величия души? Откуда взялись не только все ос-

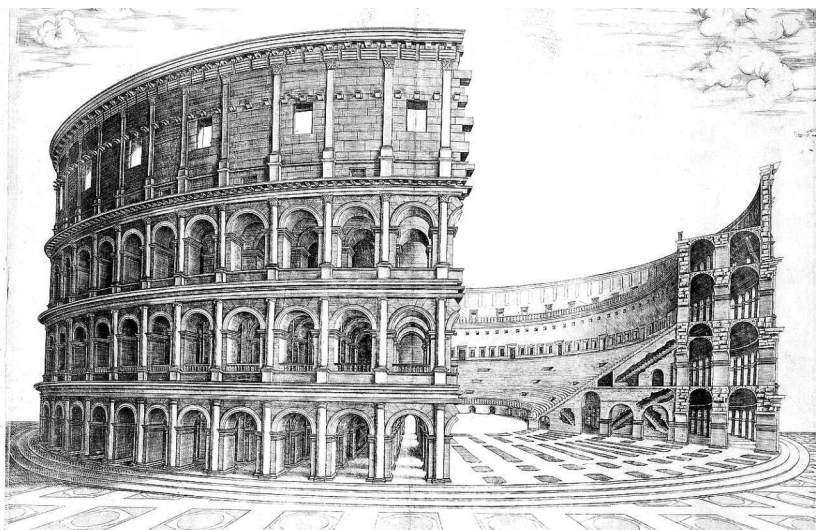
новы истинной человечности, но и нравственная сила для приложения этих основ к ежедневной жизни? Записная книжка Марка Аврелия отчасти дает ответ на этот вопрос. <...>

Марк Аврелий записывал для себя одного. Мысли набросаны так, как они толпятся в голове человека, обремененного делами, который вспоминает вечером прожитый день. <...>

Император силою своего духа поднимается выше стоического учения, на котором был воспитан, и, врываясь в область чистой этики, зрелостью сознания своего приближается к учению Евангелия¹.

¹ Распространенно об этом высказался британский философ Джон Стюарт Милль. В своем сочинении «О свободе» он пишет: «Если когда-либо кто-нибудь из правителей был вправе считать себя лучше и просвещеннее своих современников, то это император Марк Аврелий. Абсолютный владыка всего цивилизованного мира, он всю жизнь был не только безупречным судьей, но и — чего можно меньше всего ожидать от стойка — сохранил нежнейшее сердце. Немногие недостатки, приписываемые ему, извинительны, а его сочинения — высочайший этический дар древности — мало чем отличаются от учения Христа. Если смотреть не догматически, то он, преследовавший христиан, был более христианином, чем почти все христианские короли. Император знал, что состояние общества плачевно. Он считал своим долгом не допустить его распада и не видел, как объединить общество, если существующие связи исчезнут. Новая религия открыто угрожала им, значит, его долг — не принять эту религию, а уничтожить. Теология Христа к тому же не казалась ему верной и богоданной. Странная история распятого бога была неправдоподобной, а система, покоящаяся на столь невероятной основе, не могла для него быть тем обновлением, которым оказалась после всех невзгод. Кротчайший и симпатичнейший из философов и царей с торжественным чувством долга начал гонения. По-моему, это один из трагичнейших фактов истории». (Цит. по: *Милль Дж. О свободе* / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. — 1993; № 12. С. 21–26.) — *Прим. изд.*

ПЕРВАЯ КНИГА

1¹

От Вера², моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

2

От славы моего родителя³ и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

3

От матери⁴ — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

4

От прадеда⁵ — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

5

От воспитателя⁶ — равнодушие к борьбе между Зелеными и Голубыми⁷, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

6

От Диогнета⁸ — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов⁹, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Евтихия, затем Андрона и Мециана¹⁰. Уже с детских лет писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни¹¹.

7

От Рустика¹² — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в столе¹³. Благодаря ему я пишу письма простым слогом — по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы¹⁴ к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с воспоминаниями об Эпиктете¹⁵, ссудив их из своей библиотеки.

8

От Аполлония¹⁶ — свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при

невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

9

От Секста¹⁷ — благожелательность, образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни, согласно природе¹⁸, и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, высокоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

10

От Александра-грамматика¹⁹ я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, под-